

ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА ГЛАРИАНТОВА

старший преподаватель кафедры классической филологии филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
feti2006@yandex.ru

ПЕРЕВОД «ПОСЛАНИЙ» ГОРАЦИЯ А. КАНТЕМИРОМ*

Рассматриваются особенности перевода А. Д. Кантемиром «Посланий» Горация, одного из самых больших и законченных его переводов. Описывается состав перевода (Посвящение, Предисловие, Житие Квинта Горация Флакка, сам перевод, комментарии, Таблицы трудов Горация), представлены сопоставительные примеры русификации латинского текста переводчиком, анализируется часть комментариев Кантемира к переводу. Выделяются следующие черты перевода: некоторая русификация латинского автора, не мешающая тем не менее при чтении воспринимать особенности римского мира; избыточность перевода, которая приводит к увеличению объема русского текста по сравнению с латинским. Комментарии, выполненные Кантемиром к переводу, содержат огромное количество сведений о гораціанском мире, от римских изысканных блюд до разъяснения философских концепций античности. Метрически перевод выполнен нерифмованными стихами с частыми переносами, что может объясняться ориентированностью Кантемира на опыты перевода античной литературы итальянскими переводчиками.

Ключевые слова: поэтический перевод XVIII века, история перевода античных авторов в России

Литературное наследие А. Кантемира включает множество самых разнообразных переводов, прозаических и стихотворных, но самые крупные и законченные из них – это переводы античных авторов, Горация и Анакреонта. Кантемир стремился переводить целые циклы античных поэтов («Послания» Горация, 55 Песен Анакреонта), желая представить читателю полную поэтическую картину иноземного автора.

Перевод «Посланий» Горация – 22 письма (около 2000 стихов) – Кантемир завершил в Париже к 1742 году (в скобках заметим, что в нынешней переводческой традиции *Epistulae* Горация принято называть «Посланиями», исходя из жанровой их природы, у Кантемира это «Письма», что соответствует буквальному *epistulae*). В 1744 году в издании Петербургской Академии наук перевод десяти писем был издан вместе со стиховедческим трактатом «Письмо Харитона Макентина»¹. Полностью, помимо десяти упомянутых писем, перевод остался неизвестен современникам. Полная публикация его была осуществлена только в 1867 году в издании под общей редакцией П. А. Ефремова.

Свой переводческий труд Кантемир адресует в виде стихотворного посвящения императрице Елизавете Петровне. «Посвящение» было приписано к переводу лишь в марте 1743 года в связи с последней попыткой автора издать свои сочинения. Однако в единственном прижизненном издании 1744 года его нет. Уже в «Посвящении» Кантемир определяет морально-этическое содержание переведенных им Посланий:

К нравов исправлению творец писать тщался,
Искусно хвалить везде красну добродетель,
И гнусное везде он злонравие хулит:
Ты и добродетели лучшая защита.

Далее, обращаясь к Елизавете:

Сильнее, приятнее венузинца звоны,
Но я твоим говорю языком счастливым,
И хоть сладость сохранить не могли латинских,
Будут не меньше стихи русские полезны (385)².

Дидактическую направленность перевода Кантемир подчеркивает и в особом Предисловии: «Для того и я желая дать на нашем языке опыт перевода латинских стихотворцев, чаял, что не мог бы сыскать лучшего, а из его сочинений выбрал я его Письма, для того что оне больше всех его других сочинений обильны нравоучением» (384). Далее следуют краткое «Житие Квинта Горация Флакка» – «едва ли не первый опыт критико-биографического портрета в новой русской литературе», по замечанию З. И. Гершкович [2: 488], а также «Таблица писем Горациев» с перечислением переведенных писем и кратким их содержанием.

Замечательную часть перевода составляют подробнейшие примечания Кантемира, обозначившие глубоко филологический подход к переводу. Обширные комментарии, буквально к каждой строчке, дают толкование трудных мест, исторических и мифологических реалий, значение новых слов. А. А. Дерюгин так пишет об этой удивительной черте перевода: «...с момента своего появления стихотворный перевод вышел за пределы дилетантских экспериментов и поднялся до научной филологической работы» [3: 28]. Сам Кантемир в «Предисловии» объясняет необходимость подобных примечаний заботой о читателях, об их «услажении и просвещении»: «Нужнее еще было изъяснить обычаи древние, обряды и другие вещи, и имена лиц, о которых в Письмах Горациевых упоминается, понеже без

того не только мало бы услаждение читатель от них получить мог, но часто были бы и совсем не вразумительны. Для того примечания большую часть труда моего составляют» (386).

Согласно описанию Е. Э. Бабаевой, перечисляющей состав библиотеки А. Кантемира [1: 18], сатирик, очевидно, пользовался изданием Горация 1727 года Андре Дасье. Это было издание с параллельными французским и латинским текстом и историко-критическими комментариями³. По свидетельству А. А. Веселовского, обширное издание Дасье не избегло обычного недостатка изданий того времени, когда возможно было самое вольное отношение переводчика к оригиналу. Во французском переводе Гораций трактовался как *galant, philosophe courtisan, l'homme du monde*, завсегдатай французских салонов. Римская жизнь, соответственно, освещалась с этой точки зрения и отражала жизнь французского общества. Как саркастически замечает А. А. Веселовский, «Классический Рим стал городом преимущественно французским: принцы, короли, министры, генералы, пажы, лейтенанты, *grandes dames* и куртизанки, напудренные, завитые, в костюмах Людовика XIV-го <...> населяли его. Это был Рим, условный, литературный» (4)⁴. Можно предположить, что указанная черта французского перевода могла косвенно повлиять и на особенность перевода Кантемира, поскольку текст перевода дает множество примеров «русификаций» латинского автора. Кантемир, следуя принципу, который позже, в 60-х годах XVIII века, назовут «теорией склонения на наши нравы», сближает гораццианский мир с чертами русского быта. Приведем некоторые примеры. В скобках к словам из перевода Кантемира указаны номер письма и номер стихотворной строки, рядом для сравнения – латинское слово из текста Горация⁵ с указанием номера соответствующего стиха и точным словарным переводом. Итак, в переводе обнаруживаются: рубашка (I, 129) вместо *tunica* (туника, 96); новый кафтан (I, 128) – *subucula* (нижняя туника, 95); багряница (VI, 52) – *chlamys* (в тексте форма *chlamydim*, плащ, широкое шерстяное греческое верхнее платье мужчин, 44); епанча (I, 129) – *toga* (тога, 96); еще во множественном числе епанчи (XVII, 35) – *raupus* (в тексте форма *raupno*, кусок сукна, шерстяной материи, тряпье, лохмотья, 25). Является в переводе «толста шуба» (XI, 22) – *raenula solstitio* (верхний дорожный длинный плащ в солнечную погоду, в жаркое время, 18), которую Кантемир комментирует так: «Епанча во время солнцестояния. Пенула епанча толстая, употребляема в дождь и в студеное время, дорожная епанча. Я шубу в переводе употребил, понеже нашему обычаю не меньше чем намерению стихотворца соответствует» (457). Еще одну «шубу» находим в Письме VII (13–14): «И беречь будет себя, и сжавшись в шубу, читать станет», тогда как у Горация совсем не упоминается

одежда: *ad mare descendet vates tuus et sibi parcat contractusque leget* (поэт твой придвинется к морю и пощадит себя и, сжавшись, будет читать; 11–12). Кантемир сам добавляет «шубу» к латинскому подлиннику, простоудушно поясняя: «...я прибавил в шубу понеже зимою она не вредит, и мера стиха нужду в ней имела» (437). В тексте перевода попадают: башмаки (X, 52) – *calceus* (полусапоги сенаторов, 42); щегольское платье (XIV, 45) – *decuere togae* (украшенная тога, 32); узкий кафтан (XVIII, 45) – *arta toga* (тесная тога, 30). В «обрусевшем» античном мире четырехструнная цитра (*cithara*, II, 32; II, 53), а также лира (*lyra*, XVIII, 43) превращаются в гусли (II, 31, 64; XVIII, 62); медовый пирог (*mellita placenta*, X, 11) в пряник (X, 13); домашняя утварь (*supellex*, V, 7) в стола прибор (V, 11); салфетка (*mappa*, V, 22) в утиральник (V, 30); чаша (*lanx*, V, 23) в кружки и блюда (V, 31); ларь для зернового хлеба (*cumeram frumenti*, VII, 30) в житный амбар (39). Домашний быт Руси встречается повсюду: лавки (VII, 65), пять изб (XIV, 3–4) – *quinque focus* (2); заднее крыльцо (V, 40) – *posticus* (31) – задняя дверь; предворотня (VI, 31, в примечаниях поясняется как «сени некои на столбах») – *porticus* (портик, крытая галерея, 26); подклети (I, 122) – *senacula* (верхний этаж под крышей, жилище бедных, I, 91). Кантемир тут же поясняет, что замена произведена им по сходству функций *senaculum* и подклети: «Горницы самыя верхняя в доме под самую крышою. Подклети напротив самыя нижняя; да обыкновенно у нас служители и убогие люди живут в подклетях, для того я ту речь употребил» (405). Римский атриум (*atria servantem*, V, 31) превращен в переднюю (41), с примечанием, дающим целый синонимический ряд определений: «Атрии, сени, передняя, крестовая, где челобитчики и стряпчие ожидали их патрона и защитника» (Т. 1: 426). Перед нами возникают: столичный город Рим (VII, 59) – *regia Roma* (правлящий Рим, 44); уезды (IV, 2) – *regio* (область, 2). Изысканный римский стол, «забавы столывая», например, блюдец зелий (V, 2) – *holus patella* (чаша с травами, овощами, 2) вызывают насмешки переводчика, в особенности деликатес из трав: «...и буде смеешь ужинать одним блюдцем зелий. Правду сказать, не весьма жирной ужин, на котором одно блюдо зелий представлено, и к съедению такого пира не много храбрости нужно; для того смеешь в смех от Горация употреблено» (422). В переводе обнаруживается пестрый словесный мир пореформенной Руси: «проситель, что торчит в передней» (V, 41) – *cliens* (клиент, покровительствуемый, 31), челобитчики и стряпчие (комментарий к V, 41); моты (VII, 26) – *prodigus* (расточительный, 20); дворяне (VIII, 1) – *comites* (спутники, свита чиновников и знатных лиц); писцы – *scriba* (письмоводитель, 2); должность в купечестве (VII, 92) – *mercennaria vincla* (обязательные занятия за плату, 67); вельможи (XVII, 2) – *maiores* (сенат, знать, богачи, 2); приказчики

(XIV, 1) – *vilicus* (управляющий виллой, 1); любезные девицы и красны отроки (XVIII, 106) – *pueri pulchri, carae puellae* (красивые мальчики, милые девушки, 74); мóлодцы (II, 33) – *iuventus* (молодые люди, 29), которым «кудри помазаны духами пристали» (XIV, 45) – *nitidi capilli* (блестящие волосы, 32). На страницах перевода встречаем: работники (I, 116) – *fabri* (ремесленники, мастеровые, 87); балберы (I, 123) – *tonsor* (цирюльник, 92); дядьки (I, 140) – *curator* (опекун, 102); грубые поселяне (II, 42) – *rusticus* (деревенский, 42); ученая свита (III, 7) – *studiosa cohors* (ученое множество, толпа, 6); бабки (IV, 10) – *nutricula* (кормилица, 8); красна девица (V, 36) – *potior puella* (более привлекательная девушка, 27); докучники (VI, 53) – *inportunus* (грубый, наглый, 54); уставщики и стражники (VII, 7) – *designator et lictor* (распорядитель и ликтор, нижнее должностное лицо, 6), свободенники (VII, 65) – *adrasum* (обстриженный, по обычаю освобожденных невольников стригли, 50). Появляются генерал-лейтенанты (XV, комментарий к 15 стиху) вместо наместников, полковники в войске (IV, комментарий к 3–4 стихам) вместо военных трибунов; градоправители (2 кн., I, комментарий к 229 стиху) – вместо эдилов; весь синклит сановитый (2 кн., I, 99) – *suncti raene patres* (почти все отцы – сенаторы, 81); действователи (XVIII, 21) – *mimus* (пантомимик, мим, 14); сводчики (VII, 73) – *praeco* (глашатай, 56); откупщики (2 кн., II, 96) – *redemptor* (подрядчик, поставщик, 72); волхвы (2 кн., I, 281) – *magus* (волшебник, 213); подложницы (XIV, 35) – *meretrix* (блудница, 25); похлебники (2 кн., I, комментарий к 224 стиху) – *parasitus* (блюдолиз). В этом вполне обрусевшем Риме божатся (I, 22) – *iurare* (клясться, 14); оставляют тяжбы (V, 8–9) – *mittere causam* (отправлять дело, 9–10); дела приказны (VII, 10) – *opella forensis* (службы, относящиеся к форуму, 8); бьют челом (VII, 20) – *benigne* (весьма благодарен, 16); холопы справляют посольство (VII, 82) – *dic ad cenam veniat* (скажи, пусть он придет к обеду, 60–61); приходят на поклон (VII, 93) – *domum mane venisset* (приходить по утрам в дом, 68); откупают подати и таможи (I, 104) – *gestit conducere publica* (радостно желает откупать государственное имущество, 77); посещают «позорище» (I, 6) – *ludus* (игра, 3); и даже способны скакать медведем (XIV, 36) – *salas terrae gravis* (отяжелев, прыгать по земле, 26); в вонючем кабаке (XIV, 21) – *uncta porina* (засаленный трактир, 21) или в корчме (XI, 15) – *sauroна* (трактирчик, 12).

Однако подлинный исторический мир Рима раскрывается Кантемиром в примечаниях. Так, комментируя лишь первые два стиха Письма I:

Меценате, петый мне первыми стихами
И которого еще в последних петь стану,

Кантемир дотошно разъясняет, кем был Меценат, каковы были его род и положение при дворе Августа, приводит другие стихи Горация, ему посвященные; толкует употребление слова «ска-

зывать» вместо «петь» у греческих и латинских поэтов, приводит различные поэтические наименования муз по названиям их жилищ, упоминает о делении произведений Горация на два разряда: лирические и философские. Столь же тщательно комментируется почти каждая строчка переводимого текста. Таким образом, «латинская» часть перевода, подобно подводной части айсберга, скрывается именно в примечаниях.

Комментарии к переводу Горация помимо историко-филологических сведений содержат множество философских рассуждений Кантемира. Восторгаясь мудростью Горация, переводчик комментирует ее по-своему, стремится сделать ее полезной для читателя. Так, рассуждая о счастье, Кантемир пишет: «Напрасно мы ищем истинное свое благополучие в знаменитых достоинствах и богатстве, все то, что рождает в нашем сердце боязнь и желание, рождается от того, что мы легко чудимся, легко всяким вещам дивимся. Следовательно, кто хочет быть истинно счастливым, должен отложить то удивление, которое совсем противно добродетели, которая в том состоит, чтоб иметь ум покойный, ничем ни подвижный, ни устрашаемый, ни удивляемый» (426).

Обширные примечания, часто иронического характера, вызывало упоминание у Горация о богах и божестве. «У многобожцев не только небо было богами набито, но и ад имел своих богов» (527). «Лаверна – покровительница воров и обманщиков, потому без сумнения она больше всех других служителей имела» (483). «Как скоро стихотворцы произошли и Бахус их причислил к своему двору и самые музы, богини наук, пьянству предались» (507). Иногда Кантемир сближает мифологические существа античности с персонажами русских верований: «Сатиры и фавны. Род лесных полубогов, Бахусу подвластных; мы чаю лешими называем... много склонности к женам и к вину» (507). Однако не всегда Кантемир ироничен в рассуждениях о божествах: «Древние философы, как и мы, уверены были, что истинная мудрость от Бога с небес происходит»; «Толкования естествословцев всегда будут неудовлетворительными и всегда будет неизбежно признавать, что Бог, собрав воды и, оградив землями, предел им положил, его же не преидут» (418, 462). Комментарии вмещают в себя даже астрономические сведения, умело прикрепленные к толкованию горацянских стихов. Здесь мы находим замечания о вращениях вокруг солнца, о движении звезд и других небесных тел, о лунных затмениях и т. п.: «...можно также разуметь то о затмениях лунных, когда тень земли отымает ей свет солнечный, и те затмении иногда больше, иногда меньше...» (462).

При всем стремлении к соответствию перевода перевод «Посланий» не эквилинеарен и по объему значительно превышает латинский текст. Превышение может достигать до $\frac{1}{3}$ объема подлинника. Например: в Письме I соотношение

оригинала с переводом Кантемира составляет 108 строк к 147, в Письме XIII – 19 к 29 стихам. Важно отметить, что расширение текста перевода происходит не по причине намеренных «украшений» и перифраз. Перевод увеличивается за счет разъяснений, своеобразных поэтических комментариев внутри самого текста. Можно сказать, что Кантемир напряженно стремится к избыточности перевода, заботясь, видимо, о правильном понимании читателя. Так, во II Письме два латинских стиха (26, 27) разрастаются в 4 строчки перевода.

Гораций: *nos numerus sumus et fruges consumere nati, sponsi Penelopae nebulones Alcinoique* (235)

Кантемир: Себя можем мы узнать в женихах докучных Пенелопы, что число умножат лишь годы И рождены пожирать плод земли бездельно. Мы моты и молодцы Алциновой свиты (410–411).

«Numerus» распространено в «число умножат лишь годы», а «nebulones» (бездельники) превращены в «мотов и молодцов».

Перевод «Посланий» выполнен Кантемиром силлабическим тринадцатисложником, без рифмы, белыми стихами («свободными» – по определению Кантемира). П. Н. Берков считает этот перевод без рифмы первым в русской литературе опытом применения белого стиха⁶ (1043).

Кантемир хорошо знал ведущиеся в Европе споры о правомерности перевода стихов стихами и по поводу того, возможны ли в поэзии нового времени стихи без рифмы. В «Предисловии» к переводу сам Кантемир ссылается на опыт итальянских переводчиков: «Предводителями и примером нам в том служат многих народов искусные стихотворцы. Итальянские творцы почти всех латинских и греческих перевели на таких стихах без рифмы (*versi sciolti* у них называемые)» (386). Эта традиция существовала еще со времен Возрождения: итальянцы, «зная, что у греков и римлян рифмы не было, считали ее выдумкой извращенного варварского вкуса... мечтали изгнать ее из поэзии – хотя бы из высокой поэзии античного образца» [4: 202]. Ориентированность перевода Кантемира именно на итальянскую традицию подтверждается множеством иных фактов итальянского влияния на его творчество. Существуют отдельные работы, изучающие роль итальянской культуры XVIII века в поэтической практике и литературной мысли Кантемира⁷ [4], [5], [6].

Однако еще одной причиной перевода «Посланий» белыми стихами Кантемир называет стремление к точному, дословному переводу оригинала: «Перевел я те Письма на стихи без рифмы, чтобы по близку держаться первоначального, от которого нужда рифмы понудила бы меня гораздо отдаляться» (385). А. А. Дерюгин предположил, что, стремясь к дословному переводу, Кантемир мог ориентироваться также и на издания немецких переводчиков, практиковавших публикацию буквальных переводов как пособий для изучающих иностранные языки [3: 29–30]. Подобная педагогическая цель подтверждается самим переводчиком: «Во многих местах я предпочел переводить Горация слово от слова <...> я предпринял перевод сей не только для тех, которые довольствуются просто читать... по латински не умея, но и для тех, кои учатся латинскому языку и желают подлинник совершенно вразуметь» (386).

Подводя итог, мы можем выделить следующие характерные особенности перевода «Посланий» Горация: во-первых, некоторая русификация римского мира, произведенная Кантемиром для удобства восприятия читателем горацианского текста, однако заметно, что русификация эта не зашла слишком далеко и настоящий римский мир, от особенностей блюд до философии стоиков, тщательно раскрывается переводчиком в подробных комментариях. Во-вторых, перевод превышает по объему латинский текст за счет комментариев и внутри самого стихотворного перевода: видно, как Кантемир старается точно передать латинское понятие, но не всегда может обойтись одним словом и вынужден это сделать описательно, распространяя иногда одно слово до нескольких строк. С точки зрения метрики перевод выполнен белыми стихами с частыми переносами в соответствии с итальянской традицией перевода античных авторов, на которую принципиально ориентируется Кантемир. Таким образом, перевод русского сатирика «Посланий» Горация – это выдающийся памятник переводческой практики начала XVIII века. К сожалению, он почти не был опубликован и стал известен публике целиком только спустя более столетия. Но для истории перевода этот материал не потерял своей ценности, так как позволяет уяснить уровень переводческого мастерства А. Кантемира и его теоретические взгляды на перевод.

* Статья подготовлена в рамках гранта Министерства образования и науки России «Новые источниковедческие и текстологические исследования русской словесности XIX–XX вв.» (№ 34.1126).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Квинта Горация Флакка Десять писем Первой книги. Переведены с Латинских стихов на Русские с примечаниями и изъяснены от знатного некоторого охотника до стихотворства с приобщенным при том письмом о сложеннии русских стихов. Перепечатаны в Санкт-Петербурге при Императорской Академии Наук. 1744.

² Текст А. Д. Кантемира приводится по: Сочинения, письма и избранные переводы князя Антиоха Кантемира с портретом автора, со статьею о Кантемире и с примечаниями В. Я. Стоюнина / Под ред. П. А. Ефремова. Т. I. Сатиры, мелкие стихотворения и переводы в стихах. СПб.: В типографии И. И. Глазунова, 1867. 611 с. В круглых скобках указывается страница.

³ Oeuvres d'Horace par Mad-e Daçier. Amsterdam, 1727. In 8, 10 t.

⁴ Веселовский А. А. Кантемир – переводчик Горация (Классический мир в представлении русских писателей первой половины XVIII века) // Отдельный оттиск из Известий отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. Т. XIX. (1914). Кн. 1. Петроград: Типография Императорской Академии Наук, 1914. 17 с.

⁵ Текст Горация приводится по: Q. Horatii Flacci. Opera / Ed. S. Borzsák. Leipzig: B. G. Teubner, 1984. 362 p. В круглых скобках указывается страница.

⁶ Берков П. Н. Ранние русские переводчики Горация // Известия Академии Наук СССР. Отделение общественных наук. 1935. № 10. С. 1039–1056.

⁷ Пумпянский Л. В. Очерки по литературе первой половины XVIII века. I. Кантемир и итальянская культура // XVIII век: Сборник статей и материалов / Ред. А. С. Орлов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. С. 83–102.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабаева Е. Э. Кантемир-энциклопедист: к постановке вопроса // Русский язык конца XVIII – начала XIX века. Вопросы изучения и описания. Сборник 3 / Отв. ред. В. М. Круглов. СПб.: Наука, 2009. С. 7–38.
2. Гершкович З. И. Примечания // Кантемир А. Д. Собрание стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1958. С. 431–525.
3. Дерюгин А. А. Тредиаковский-переводчик: становление классицистического перевода в России. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1985. 189 с.
4. Майелларо Д. Кантемир и Италия // Arbor mundi / Мировое древо: Международный журнал по теории и истории мировой культуры. Вып. 6. М.: РГГУ, ИВГИ, 1998. С. 199–209.
5. Серман И. З. Антиох Кантемир и Франческо Альгаротти // XVIII век: Сборник статей и материалов. СПб.: Наука, 1999. Сб. 21. С. 53–61.
6. Boss V. La quatrième ode de Kantemir et «L'Italia liberata» de Giangeorgio Trissino // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1963. Vol. 4. № 1/2. P. 47–55.

Glarionova E. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

TRANSLATION OF HORACE “EPISTLES” BY A. KANTEMIR

Characteristic features of A. D. Kantemir's translation of Horace's "Epistles" are studied in the article. This translation is one of the largest and most complete works of the author's literary contributions. The article describes the structure of the translation in focus (Dedication, Preface, Horace's biography, the translation itself, multiple comments, and a list of the works conducted by Horace). It also presents comparative examples of the Russian and Latin texts and analyzes the author's comments on the conducted translation. Characteristic features of the translation include: some russification of the Latin author, which does not prevent understanding of particular characteristics of the ancient Roman world, and excessive redundancy, which increases the volume of the Russian text if compared to the Latin one. Comments, made by Kantemir on his translation, contain a lot of information on Horatian world: from Roman dishes to the interpretations of ancient philosophies. A. D. Kantemir translated Horace's "Epistles" without rhymed verses' employment with frequent relocation of verses to the next line. This phenomenon can be explained by his orientation on the experience of ancient Italian translators.

Key words: poetic translation of the XVIII century, history of translation of ancient authors in Russia

REFERENCES

1. Babayeva E. E. Kantemir as a lexicographer: a statement of the problem [Kantemir-entsiklopedist: k postanovke voprosa]. *Russkiy yazyk kontsa XVIII – nachala XIX veka. Voprosy izucheniya i opisaniya. Sbornik 3* / Ed. V. M. Kruglov. St. Petersburg, Nauka Publ., 2009. P. 7–38.
2. Gershkovich Z. I. Comments [Primechaniya]. *Kantemir A. D. Sbornik stikhotvoreniy*. Leningrad, Sov. pisatel' Publ., 1958. P. 431–525.
3. Deryugin A. A. *Trediakovskiy-perevodchik: stanovlenie klassitsisticheskogo perevoda v Rossii* [Trediakovskii – a translator: formation of the classic translation in Russian]. Saratov, Izd-vo Saratovskogo universiteta, 1985. 189 p.
4. Mayellaro D. Kantemir and Italy [Kantemir i Italiya]. *Arbor mundi / Mirovye drevo. Mezhdunarodnyy zhurnal po teorii i istorii mirovoy kul'tury*. Issue 6. Moscow, RGGU, IVGI Publ., 1998. P. 199–209.
5. Serman I. Z. Antioch Kantemir and Francesco Algarotti [Antioch Kantemir i Franchesko Al'garotti]. *XVIII vek: Sbornik statey i materialov*. St. Petersburg, Nauka Publ., 1999. Compil. 21. P. 53–61.
6. Boss V. La quatrième ode de Kantemir et «L'Italia liberata» de Giangeorgio Trissino // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1963. Vol. 4. № 1/2. P. 47–55.

Поступила в редакцию 17.06.2016